

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 365–370
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 365–370
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-365-370>, EDN: NUOUHO

Научная статья
УДК 343.97(430.119.317)|16|

Преступность в Мюнстере в XVII в.

О. В. Чавкина

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89

Чавкина Олеся Викторовна, специалист по документационному обеспечению отдела нового приема и содействия трудоустройству обучающихся и выпускников, lesya.chavkina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6919-5686>, AuthorID: 963002

Аннотация. В статье на основе анализа сохранившихся материалов судебно-следственных дел рассматривается состояние преступности в Мюнстере XVII в. Автор анализирует структуру преступности в зависимости от степени распространенности противоправных деяний в судебной практике, а также исследует социально-профессиональный состав преступников. Автор приходит к выводу, что на большую долю личностных и имущественных преступлений в общей структуре преступности влияли экономические, социальные и политические факторы, а на незначительный удельный вес преступлений против городской власти Мюнстера, религиозных преступлений и преступлений против семьи и нравственности – эффективная политика властей в данных сферах.

Ключевые слова: раннее Новое время, Германия, Мюнстер, история преступности, структура преступности, преступления, социально-профессиональный состав преступников, судебная практика

Для цитирования: Чавкина О. В. Преступность в Мюнстере в XVII в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 365–370. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-365-370>, EDN: NUOUHO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Crime in Munster in XVII century

O. V. Chavkina

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, 89 Ady Lebedevoy St., Krasnoyarsk 660049, Russia

Olesya V. Chavkina, lesya.chavkina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6919-5686>, AuthorID: 963002

Abstract. Based on the analysis of the preserved materials of the judicial and investigative cases the article examines the state of crime in Munster in XVII century. The author analyzes the structure of crime depending on the prevalence of acts in judicial practice, and also examines the socio-professional composition of criminals. The author comes to the conclusion that the large share of personal and property crimes in the overall structure of crime was influenced by economic, social and political factors, while the insignificant share of crimes against the city government of Munster, religious crimes and crimes against family and morality was influenced by the effective policy of the authorities in these areas.

Keywords: Early modern time, Germany, Munster, crime's history, crime structure, crime, socio-professional composition of criminals, judicial practice

For citation: Chavkina O. V. Crime in Munster in XVII century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 365–370 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-365-370>, EDN: NUOUHO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из наиболее актуальных проблем общественной жизни в разные периоды времени является преступность. Поэтому изучение истории преступности, в том числе на материале Германии, представляет собой одно из наиболее интенсивно исследуемых направлений в современной историографии. Если в XIX–XX вв. тема преступности в Германии изучалась в рамках истории права, то в последние десятилетия разработка этой проблемы велась преимущественно в социальном и культурно-историческом аспектах. В качестве примера приведем точку зрения немец-

кого правоведа К. Хёртера, который рассматривал историю преступности в тесной взаимосвязи с историей уголовного права, говоря о том, что без знания правовой базы невозможно понять ее развитие [1]. Альтернативной точки зрения придерживался немецкий историк Г. Шверхофф, который считал, что историю преступности следует рассматривать не в рамках истории права, а в рамках социальной истории, поскольку она изучает девиантное поведение в историческом прошлом в контексте конфликтов между нормами и средствами социального контроля, а также

рассматривает преступность в качестве главного критерия для анализа социальных условий и исторических изменений [2, S. 12].

Помимо исследований общего характера, важно отметить работы, посвященные преступности периода раннего Нового времени в отдельных городах и землях Германии. Немецкие авторы В. Бехрингер [3], М. Шпиккер-Бек [4], изучавшие проблему преступности в Баварии раннего Нового времени, выявили, что основными ее причинами были социально-экономические, демографические, идеологические и политические факторы. По мнению В. Бехрингера, кроме выше-названных причин, на рост преступности также существенно влияли общественные нормы и суровость наказаний, существовавшие в тот период времени [3, S. 126].

Кроме исследования причин преступности в целом, такие авторы, как Н. Флёркен [5], М. Б. Льюис [6], Д. Ледерер [7], К. Стюарт [8], Дж. Б. Даррант [9], Г. Шверхофф [10] рассматривали отдельные виды преступлений, совершаемых в Германии раннего Нового времени, в частности, убийство, детоубийство, самоубийство, колдовство, грабеж, кража.

Стоит обратить внимание, что в зарубежной историографии проблеме преступности в северных городах Германии посвящено незначительное количество трудов, например, Кельну, Килью. В качестве примера приведем работу немецкого историка Г. Шверхоффа, который рассматривал динамику преступности в Кельне и меры борьбы с ней в период раннего Нового времени [11]. Автор отмечал, что наиболее часто совершаемыми преступлениями в Кельне в этот период были убийства, нанесение телесных повреждений, драки и оскорбления (около 30%) [11, S. 447]. Исходя из анализа «Книги башен», Г. Шверхофф приходит к выводу, что судебная система в Кельне в отношении преступников была относительно более мягкой, чем в южных городах Германии, например, в Нюрнберге [11, S. 442–443].

Что касается изучения преступности в Вестфальском регионе, в частности, в Мюнстере, то обобщающих трудов, посвященных данной проблеме также нет. Немецкий исследователь М. Витке [12] на основе анализа судебной практики Мюнстера рассматривала причины совершения насильственных преступлений за период с 1580 по 1620 гг., социальные типы преступников и их жертв. В целом, автор отмечает, что в раннее Новое время судебная система Мюнстера была слабо развита, поскольку отсутствовал четкий порядок отправления правосудия, возникали проблемы в разграничении юрисдикции, что влияло на эффективность работы судебных органов по раскрытию преступлений и на осуществление преследования преступников. Другие исследователи, С. Альфинг [13] и С. Лакуа-ОДоннелла [14], останавливались на изучении отдельных видов преступлений, совершаемых женщинами

в Мюнстере в раннее Новое время – колдовстве и детоубийстве. По мнению авторов, количество преследований женщин за выше-названные деяния в Мюнстере XVII в. было незначительным.

В отечественной историографии проблема преступности в Германии раннего Нового времени изучена недостаточно. В основном тема истории преступности рассматривается в рамках криминологии.

Исходя из анализа историографии, можно сказать, что комплексных исследований, посвященных проблеме преступности в Мюнстере раннего Нового времени, в настоящее время нет. В связи с этим, на основе анализа сохранившихся судебно-следственных материалов уголовных дел, попытаемся охарактеризовать состояние преступности в Мюнстере в XVII в. Для этого нами привлекаются, прежде всего, сохранившиеся судебно-следственные материалы уголовных дел с 1601 по 1700 гг., которые находятся в открытом доступе в городском архиве Мюнстера [15]. Нами были отобраны, изучены и переведены на русский язык свыше 150 кратких описаний уголовных дел за исследуемый период. Поскольку в некоторых описаниях есть обвинения в нескольких преступлениях, то общее число преступлений за указанный период, составило 217.

Таким образом, в данном источнике представлен ценный материал, который показывает, какие преступления расследовались судебными органами Мюнстера и как они с ними боролись, представители каких социально-профессиональных групп совершали преступления и какие обстоятельства и мотивы толкали их на преступный путь.

Анализ сохранившихся материалов уголовных дел Мюнстера XVII в. позволяет нам выделить следующую структуру преступности, взяв в качестве основы для систематизации закрепленную еще в 1532 г. в общеимперском уголовном законодательстве, Каролине [16], деление противоправных деяний на 5 категорий: 1) религиозные преступления; 2) государственные преступления; 3) преступления против семьи и нравственности; 4) преступления против личности; 5) имущественные преступления. На наш взгляд, в данном исследовании следует рассматривать выше-названные виды преступлений по степени их распространенности в Мюнстере XVII в.

Самыми распространенными в Мюнстере XVII в. являлись преступления против личности – 84 случая, что составляет 38,7% от общего числа зарегистрированных преступлений (217) и имущественные преступления – 83 случая, удельный вес которых составляет 38,2%.

Материалы уголовных дел Мюнстера дают возможность выделить в структуре преступлений против личности следующие группы: 1) преступления против жизни; 2) преступления против здоровья; 3) преступления против свободы; 4) преступления против чести и достоинства.

К первой группе мы отнесли следующие преступления: убийства (Mord, ermordung, getötet) – 58 случаев (26,72%); подстрекательство, пособничество в убийстве (Anstiftung und Beihilfe zum Mord) – 1 случай (0,46%). Самым многочисленным преступлением против жизни в Мюнстере являлось убийство. Анализ источников позволяет нам разделить убийства на умышленные: простое – 21 случай (9,67%), квалифицированные (детоубийство, самоубийство) – 6 случаев (2,76%) и непредумышленные (Totschlag) – 31 случай (14,28%). Важно подчеркнуть, что в материалах судебно-следственных дел Мюнстера встречаются не только непредумышленные убийства, а также убийства по неосторожности (Fahrlässiger Tötung), убийства, совершённые в целях самообороны (Totschlag in Notwehr). Поскольку в судебной практике Мюнстера не содержится критериев для разграничения этих понятий, то мы будем их рассматривать как непредумышленные убийства. Изучение архивных материалов Мюнстера позволяет сказать, что в 20% дел непредумышленные убийства совершались лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, в 16% случаев в состоянии аффекта (гнева, ярости) и на почве конфликтных ситуаций (ссор, драк) – 13%. Так, например, дворянин Йохан фон Вюллен цум Веххаус на свадьбе церковного советника Бекхове в Зеппенраде поссорился с менестрелем Германом Хюллихом и его братом Йоханом Ритмером Хюллихом. В ходе допроса выяснялось, что Хюллихи нанесли оскорбление и угрожали убийством ответчику, который, в свою очередь, нанес ответный удар рапирой, ставший причиной смерти беременной жены Германа Хюллиха Греты, вставшей между ними. По приговору суда 13.02.1604 г. дворянин был приговорен к 5 годам тюремного заключения и возмещению ущерба потерпевшей стороне в размере 60 талеров [17].

Непредумышленные убийства в основном совершались лицами мужского пола, за исключением одного случая. Так, в 1623 г. горничные Катарина Энигман и ее сестра Гертруда во время прогулки убили палкой свою хозяйку, ставшую свидетельницей их занятием попрошайничеством [18].

Вторая по численности из этой категории – группа преступлений против здоровья, к которым мы отнесли: нанесение телесных повреждений (Körperverletzung) – 11 случаев (5,06%), жестокое обращение (Misshandlung, misshandelt) – 6 случаев (2,76%), драку (Schlägerei) – 1 случай (0,46%). Следует отметить, что самыми многочисленными преступлениями из этой группы являлись телесные повреждения (ранения, избиение и удары). Так, например, Йохан Шниткер, состоявший на службе у нотариуса Кристофа Колнера, во время ссоры нанес ножевое ранение сыну торговца вином – Николаусу. Согласно приговору суда,

Шниткер был освобожден из тюремного заключения под поручительство и при условии выплаты ущерба потерпевшему [19].

Следует сказать, что самыми малочисленными из категории преступлений против личности являлись группы преступлений против свободы – похищение человека (Entführt) – 1 случай (0,46%) и преступлений против чести и достоинства – оскорбление (Beleidigung), клевета (Verleumdung) – 6 случаев (2,76%).

Что касается социально-профессионального состава преступников, то можно отметить, что преступления данной категории чаще всего совершали ремесленники, чиновники, солдаты. Так, например, 28 ноября 1637 г. солдат Берндт Хаусман в целях самообороны заколот мечом своего товарища, солдата Каспара Оккельмана. По приговору суда Хаусман был изгнан из города [20]. Вторая по численности группа преступников – наемные работники (слуги господ, слуги ремесленников, горничные). Как показывает анализ судебной практики, реже всех совершали вышеназванные преступления представители духовенства (каноники, архидиакон и дети пасторов), дворянства (бароны, дворяне-землевладельцы) и унтер-офицеры (капралы).

Как мы уже ранее отмечали, наряду с преступлениями против личности в общей структуре преступности сохраняется высокий удельный вес имущественных преступлений. Изучение архивных источников Мюнстера XVII в. позволяет нам выделить в структуре имущественных преступлений следующие деяния: кражу (Diebstählen, gestohlen) – 50 случаев (23,04%), разбой (Räub, straßen räubers) – 13 случаев (5,99%), приобретение (Hehlerei)/сбыт краденного (Verkauft) – 6 случаев (2,76%), уничтожение и повреждение чужого имущества (Zerstörung und Beschädigung)/поджог (Brandstiftung) – 5 случаев (2,3%), мошенничество (Betrug) – 4 случая (1,84%), присвоение, растрату (Unterschlagung) – 2 случая (0,92%), вымогательство (Erpressung), незаконное завладение чужим имуществом, незаконное проникновение в жилище – по одному случаю каждое.

Исходя из приведенных статистических данных, мы видим, что наиболее частым имущественным преступлением, посягающим на основы существования мюнстерского общества, являлась кража. В большинстве случаев крали продовольствие (52%), а именно домашний скот (лошадей, коров, свиней, телят), и в меньшей степени зерновую продукцию (пшеницу, ячмень), на втором месте находились текстильные изделия (ткани, домашнее белье, одежда) – 22%, а на третьем – хозяйственно-бытовые товары (посуда, иголки, дрова) – 10%. Что же касается других предметов краж, то стоит отметить, что воры похищали самое разнообразное имущество, которое для них имело большую ценность, поскольку могло использоваться ими в целях перепродажи либо для

собственных нужд. Так, литейщика кувшинов Филиппа Кнаппера обвинили в краже украшений из драгоценных металлов (Geschmeide), простыней (Laken) из дома Германа Плониса, а также в их сбыте (1604 г.) [21].

Вторым по численности тяжким преступлением в данной категории является разбой, который чаще всего совершали солдаты, искавшие легкий способ добычи продовольствия и денег в условиях войны. В основном они в составе группы участвовали в разбойных нападениях на сельских жителей и ремесленников. Так, например, в 1637 г. солдат Йорген Зейгер и другие солдаты совершили разбойное нападение на фермера Йохана Мейера в Оснабрюке, украв у него лошадей [22].

В целом можно сказать, что в большей степени имущественные преступления совершали мужчины. Среди них чаще всего встречаются ремесленники, конные воины, солдаты, слуги, а также представители маргиналов – бродяги, профессиональные воры.

Изучение судебной практики позволяет сказать, что несмотря на то, что в общей структуре преступности Мюнстера XVII в. преобладали личностные и имущественные преступления, все-таки более опасными, но относительно менее распространенными являлись преступления против городской власти – 25 случаев, что составляет 11,5% от общего количества зарегистрированных преступлений. Если анализировать структуру преступлений против городской власти Мюнстера, то следует заметить, что данная категория представлена разнообразной палитрой преступлений, в которой можно выделить следующие группы: 1) преступления против безопасности города и общественного порядка; 2) преступления против порядка управления; 3) должностные преступления; 4) преступления против городского имущества.

К группе преступлений против безопасности города и общественного порядка можно отнести следующие деяния: побег из тюрьмы (Flucht aus dem Gefängnis), попрошайничество (Betteln), незаконный осмотр укреплений города иностранцем, которые в судебной практике встречаются единожды. Несмотря на то, что измена городу упоминается в судебной практике Мюнстера XVII в. лишь однажды, она относится, пожалуй, к самым серьезным преступлениям против безопасности города. Так, например, в 1626 г. Каспар Стейнкамп из Мюнстера перешел на службу в голландскую армию, после чего начал совершать набеги против родного города, за что был схвачен и заключен под стражу в Вольбеке [23].

Следует отметить, что чаще встречаемым в этой группе преступлением является хулиганство (Rowdytum) – 3 случая (1,38%). К примеру, солдат Рудольф Кентрупф и капралы Герман Шурман, Йохан Гейне устроили в городе беспорядки по причине невыплаченного им в полном объеме

жалованья. По приговору суда к ним применялось суровое позорящее наказание в виде волочения по земле. Виновные были привязаны к ослу на полдня с дополнительным грузом к каждому по 6 или 7 футов железа (1642 г.) [24].

Самую многочисленную из этой категории группу преступлений составляли преступления против порядка управления, к которым мы отнесли фальшивомонетничество (Falschmünzerei) – 8 случаев (3,68%), подделку документов и печатей (Gefälscht) – 1 случай (0,46%), оскорбление, клевету в отношении представителей власти – 4 случая (1,84%). Как видим, самым серьезным и распространенным преступлением в этой группе являлось фальшивомонетничество. Как правило, изготовление, сбыт и приобретение поддельных монет совершалось группой лиц, в частности, членами семьи. Например, в 1600 г. ювелир Августинус Кёплин из Тельгте, его отец Йохан Кёплин и дядя Питер Кёплин подделали мюнстерские медные монеты на сумму более 30 талеров и пустили их в обращение [25].

Наименее распространенными среди преступлений против городской власти являлись группы должностных преступлений (служебный подлог, халатность, злоупотребление должностными полномочиями, дезертирство) и преступлений против городского имущества (уничтожение имущества) – по одному случаю каждое.

Деяния против городской власти Мюнстера XVII в. чаще всего совершались лицами мужского пола, относящимися по социально-профессиональному статусу к среднему классу – ремесленникам, чиновникам. Так, в 1607 г. Советом Мюнстера было предъявлено обвинение нотариусу Матиасу Шмельте в подделке нотариально заверенного заявления об арендной плате [26].

Кроме преступлений против городской власти, не меньшую долю в общей структуре преступлений в Мюнстере составляли религиозные – 15 случаев, или 6,9%. Исходя из имеющихся данных, можно разделить эту категорию на следующие группы: 1) преступления против веры и церкви; 2) преступления против духовных лиц. К группе преступлений против веры и церкви мы отнесли следующие: колдовство (Zauberei) – 8 случаев (3,68%), самоубийство (Selbstmord) – 2 случая (0,92%), богохульство (Blasphemie) – 1 случай (0,46%), кража церковного имущества (Diebstahl) – 1 случай (0,46%). Что касается группы преступлений против духовных лиц, то к ней мы отнесли оскорбление иезуитов, кражу, похищение с целью выкупа, совершенное в отношении духовных лиц, каждое из которых встречается в источниках по 1 разу.

Как мы можем заметить, наиболее часто совершаемым преступлением в группе преступлений против веры и церкви являлось колдовство. В основном данное деяние совершали женщины, которые относились по своему социальному статусу к низшим слоям населения Мюнстера.

В большинстве случаев они работали горничными в домах своих господ [27, с. 344]. Однако в судебной практике известен случай, когда жертвой преследования был мужчина. Так, в октябре 1615 г. истец Берндт Кок обвинил в колдовстве 38-летнего торговца тканями Эверта Хеггеманна из Мюнстера. На допросе истец заявил, что его коровы погибли после того, как поели из корзины, которую ранее ему одолжил его сосед Хеггеман [28]. В результате следствия Совет принял решение из-за отсутствия достаточных доказательств виновности Хеггемана изгнать его из города [29, S. 39–40].

Самую незначительную часть уголовных дел в Мюнстере XVII в. составляли преступления против семьи и нравственности, всего 10 случаев, что составляет 4,6% от общей массы совершаемых преступлений. Характеризуя данную категорию, следует выделить в ее структуре следующие деяния: блуд (Unzucht)/прелюбодеяние (Ehebruch) – 7 случаев (3,22%), сводничество (Kuppelei) – 2 случая (0,92%), кровосмешение (Blutschande) – 1 случай (0,46%). Как видим, самыми распространенными преступлениями, нарушавшими моральные устои в мюнстерском обществе, являлись блуд (прелюбодеяние). Так, например, 10 февраля 1643 г. Анна Штумме из Отмарсбохольта, вдова Йохана Кампхове была казнена мечом за совершение детоубийства и прелюбодеяние с женатым мужчиной Йоахимом Шмеддингом из Зельма [30].

Стоит сказать, что преступления против семьи и нравственности в основном совершали замужние либо овдовевшие женщины и реже мужчины, которые относились к среднему классу – ремесленникам (меховщикам, портным). Так, в 1613 г. меховщик Йохан Шмидтберндт был приговорен к смертной казни за вступление в половую связь со своей мачехой Эльзой цур Брюнген [31].

Анализ сохранившихся материалов уголовных дел позволяет предположить, что криминогенная ситуация в Мюнстере XVII в. оставалась достаточно сложной. Во многом это объясняется тем, что на такое состояние преступности негативно влияли следующие факторы. Во-первых, сложившаяся в то время напряженная экономическая ситуация, которая была вызвана неурожаем в 1627–1635 гг. [32, S. 18], приводила к росту цен на зерно и, как следствие, к снижению покупательской способности на другие товары, что в конечном счете вело людей к голоду, а в дальнейшем и к совершению имущественных преступлений. Во-вторых, стремление к укреплению власти князьями-епископами Мюнстера приводило к конфликтам с горожанами и втягиванию последних к участию в Тридцатилетней войне (1618–1648) и войне с Нидерландами (1664–1674) [33]. Стоит сказать, что военные действия и содержание армии требовали больших затрат, а это, в свою очередь, вызывало

необходимость у городских властей искать способы пополнения казны за счет уплаты налогов населением города, что, безусловно, не могло не отразиться на их уровне жизни и являлось поводом к совершению имущественных и личностных преступлений. В-третьих, процесс социальной дифференциации мюнстерского общества в значительной степени повлиял на социально-профессиональный состав преступников, в котором особо выделились группы ремесленников, солдат и наемных работников, что, несомненно, вызывало социальную напряженность в городе. Важно отметить, что социальное неравенство особенно ярко проявлялось в назначении судебных органами наказаний, когда за совершение одного и того же преступления привилегированные слои (дворянство) [34] подвергались менее суровому наказанию, чем непривилегированные (солдаты) [35]. Это, в свою очередь, являлось источником социальной несправедливости, стимулирующей развитие личностных преступлений.

Таким образом, несмотря на влияние вышеуказанных факторов на высокий удельный вес личностных и имущественных преступлений, который составлял больше 70% в общей структуре преступности, происходило снижение доли других преступлений – преступлений против городской власти Мюнстера, религиозных преступлений и преступлений против семьи и нравственности, что, на наш взгляд, являлось следствием осуществления князьями-епископами Мюнстера эффективной политики в государственной, религиозной и социальной сферах, а также в сфере правового регулирования, посредством установления суровых наказаний.

Список литературы

1. Härter K. Strafrechts- und Kriminalitätsgeschichte der Frühen Neuzeit. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2017. 214 S.
2. Schwerhoff G. Aktenkundig und gerichtsnotorisch Einführung in die Historische Kriminalitätsforschung. Tübingen: Edition Diskord, 1999. 224 S.
3. Behringer W. Mörder, Diebe, Ehebrecher. Verbrechen und Strafen in Kurbayern vom 16. bis 18. Jahrhundert // Verbrechen, Strafen und soziale Kontrolle. Studien zur historischen Kulturforschung / hg. v. Dülmen R. van. Frankfurt Am Main : Fischer Taschenbuch-Verl., 1990. S. 85–132.
4. Spicker-Beck M. Räuber, Mordbrenner, umschweifendes Gesind. Zur Kriminalität im 16. Jahrhundert // Rombach Wissenschaft – Reihe Historiae, 8. Freiburg im Breisgau : Rombach, 1995. 400 S.
5. Flörken N. Mord und Totschlag in der Frühen Neuzeit. Ein Lesebuch. Norderstedt : Books on Demand, 2023. 224 S.
6. Lewis M. B. Infanticide in Early Modern Germany: The experience of Augsburg, Memmingen, Ulm, and Nordlingen, 1500–1800. Charlottesville: University of Virginia, 2012. 390 p.

7. Lederer D. Selbstmord im Frühneuzeitlichen Deutschland: Klischee und Geschichte // Psychotherapie. 1999. Bd. 4, Heft 2. S. 206–212.
8. Stuart K. Suicide by Proxy in Early Modern Germany: Crime, Sin and Salvation. Springer International Publishing, 2023. 466 p.
9. Durrant J. B. Witchcraft, Gender and Society in Early Modern Germany. Leiden ; Boston : BRILL, 2007. 316 p.
10. Schwerhoff G. Karrieren im Schatten des Galgens. Räuber, Diebe und Betrüger um 1500 Kriminalitätsgeschichte – Blicke auf die Ränder und das Zentrum vergangener Gesellschaften // Institut für Geschichtliche Landeskunde Rheinland-Pfalz. URL: <https://www.regionalgeschichte.net/bibliothek/aufsätze/schwerhoff-karriere-galgen-raeuber-dieb-betrueger-kriminalitaetsgeschichte-rand-gesellschaft.html> (дата обращения: 01.11.2024).
11. Schwerhoff G. Köln im Kreuzverhör: Kriminalität, Herrschaft und Gesellschaft in einer frühneuzeitlichen Stadt. Bonn ; Berlin : Bouvier, 1991. 508 S.
12. Wittke M. Mord und Totschlag? Gewaltdelikte im Fürstbistum Münster, 1580–1620. Täter, Opfer und Justiz. Münster : Aschendorff, 2002. 356 S.
13. Alfing S., Schedensack C. Frauenalltag im frühneuzeitlichen Münster. Bielefeld : Verlag für Regionalgeschichte, 1994. 312 S.
14. Laqua-O'Donnell S. Sex, honour and morality: about the precarious situation of servant girls in post-Tridentine Münster // *Mélanges de l'École française de Rome*. 2016. № 128–2. URL: <https://journals.openedition.org/mefrim/2590?lang=it> (дата обращения: 01.11.2024).
15. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia 1601–1700 // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 01.11.2024).
16. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., предисл. и примеч. С. Я. Булатова. Алма-Ата : Наука, 1967. 152 с.
17. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 171 (10.12.1603–13.02.1604). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 01.11.2024).
18. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 91 (1623) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 01.11.2024).
19. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 240 (1630–1634) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 01.11.2024).
20. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 187 (28.11.1637) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 01.11.2024).
21. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 88 (1604) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
22. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 106/3 (1637) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
23. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 158/13 (1626) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
24. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 106/5 (1642) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
25. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 9 (1600) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
26. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 158/19 (1607) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 02.11.2024).
27. Чавкина О. В., Канаев А. Г. Женская преступность в Мюнстере в первой половине XVII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 342–347. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-342-347>
28. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 144 (1614–1615) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 15.11.2024).
29. Alfing S. Hexenjagd und Zaubereiprozesse in Münster Vom Umgang mit Sündenböcken in den Krisenzeiten des 16. und 17. Jahrhunderts. Münster ; New York : Waxmann, 1994. 223 S.
30. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 135 (10.02.1643) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 15.11.2024).
31. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 158/7 (18.06.1613) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 15.11.2024).
32. Frauenleben in Münster. Ein historisches Lesebuch / hg. v. Arbeitskreis Frauengeschichte. Münster : Westfälisches Dampfboot, 1991. 352 S.
33. Stadt gegen Bischof Christoph Bernhard von Galen // Stadt Münster. URL: https://www.muenster.de/stadt/kongress1648/05_danach/danach1_1.html (дата обращения: 17.11.2024).
34. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 255 (16.12.1655–26.05.1656) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 17.11.2024).
35. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 42 (05.09.1639–24.09.1639) // Landesarchiv NRW. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 24.01.2024).

Поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 16.01.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025